

СПЕКТАКЛЬ ПРОШЕЛ на сцене ДКМ имени Серго Орджоникидзе в рамках совместного театрального проекта столичного агентства «Арт-партнер XXI» и магнитогорской компании «Театральный роман».

Она замечательно исполнила роль – но об этом мы уже писали. Это интервью – о ней самой: дочери именитых родителей, которая сумела стать самостоятельной и многогранной. Более того – признанной творческой личностью. Перед беседой – несколько закулисных наблюдений: выходя со сцены, Юля закуривала тонкую сигарету и, практически ни с кем не общаясь, садилась в кресло и «уходила в себя» – реакция на внешний мир выражалась лишь в слежении за временем выхода на сцену и дежурных улыбках на приветствия и комплименты. И к интервью после спектакля подошла по-деловому серьезно и динамично – в общем, это не девчачья колокольчик с большими глазами, какой мы привыкли видеть ее на экране.

– Года два назад в Магнитогорске выступали ваши родители с антрепризой «Пизанская башня». Я обратила внимание, что и в этом спектакле, и в фильме «Москва слезам не верит» в декорациях – портрет ребенка героев на стене – ваша детская фотография. В этом какая-то символика, или просто, что называется, так получилось?

– (Смеется). Думаю, в этом нет никакого особенного символа. Просто надо было повесить фотографию какого-то ребенка, а моя была под рукой – вот и все. Хотя, предполагаю, что в этом есть какое-то, наверное, их особенное теплое отношение. Потому что они любят этот спектакль, фильм... Мне хотелось бы думать, что они закладывали в эту деталь что-то возвышенное, но ответить за них я не смогу. Мы не обсуждали эту тему никогда.

– Еще будучи ведущей на «ТВ-6», в одном из своих интервью вы сказали, что встреча с этим каналом стала для вас самым большим везением в жизни, потому что, цитирую: «...это дало развернуться во всей наглости творческого порыва».

– Точно.
– После закрытия канала что-нибудь грело душу так же?

– Нет. И, полагаю, что уже не будет, потому что это было совпадение многих обстоятельств: я рвалась на телевидение, довольно смело по тем временам разрывала с актерской профессией и начинала все с белого листа. И обстоятельства сложились таким удачным образом, что не только я начинала с белого листа, но и весь канал: мы были молоды, успешны. В этом был такой кураж... Сегодня ты обсуждаешь что-то на планерке, а завтра это уже появляется на телеэкране... Спустя годы могу сказать, что это возможно, наверное, только в те моменты, когда страна формирует новую реальность. Сейчас свободных областей не осталось нигде – ни в одной сфере. Все сформировано, во всем прослеживается монополия: понятно, кто владелец, чьи деньги, а значит, понятно, чьи правила нужно выполнять. И при этом

Она сыграла главную роль в антрепризе «День палтуса»

МЕДВЕЖОНОК ЮЛИИ МЕНЬШОВОЙ

ФОТО ЕВГЕНИЯ РУХМАЧЕВА

у тебя самого нет ощущения, что этот сложившийся порядок ты своим творчеством можешь изменить или просто привнести что-то новое. Глобализация диктует свои условия, и все должны их более-менее качественно выполнять.

– Вы позволяете себе роскошь тосковать по тем временам, ощущениям и состоянию? Или вы человек, который способен порвать с прошлым одним махом и идти вперед?

– М-м-м... Наверное, ни так, ни так. Я не тоскую, а как раз с огромным счастьем вспоминаю то время и с огромным удовольствием встречаюсь с людьми, с которыми вместе работала. У нас осталось особое чувство братства. Но это не тоска, потому что я очень позитивно отношусь к самому процессу жизни, что ли... Жизнь – она ведь складывается по-разному и она не обещала нам при рождении, что все будет исключительно счастливо. Люди, которые думают иначе, воспринимают трудности как некий сбой системы. А я понимаю, что это просто полосы в жизни, которые, кстати, и помогают тебе определить, что такое счастье и несчастье.

– Тема, набившая, уверена, оскомину: дети состоявшихся родителей несут ответственность за фамилию. Уверена, что это в полной мере коснулось вас...

– Да, и я настолько часто об этом говорила, что повторяться не буду, скажу только, что это было и очень сильно.

– Хорошо, что вы так коротко ответили, потому что мой вопрос заключается в другом: читала ваши интервью, и создается о вас впечатление, которым боюсь обидеть. Вы меняли работу – чувствовали легкую

панику, вы брали кредит – просыпались в холодном поту с единственной мыслью, как его отдать. И даже такой нюанс: мимо просящих милостыню вам стыдно проходить, не подавая... Складывается впечатление, что у вас гипертрофированное чувство ответственности и вы принимаете все слишком близко к сердцу.

– (Смеется). Вы меня несколько не обидели – я действительно все очень близко принимаю к сердцу. Но я думаю, что реально все люди близко все принимают к сердцу. Другое дело, что многие следуют заданной системе координат: никому не показать моих проблем, я в полном порядке. Я тоже какое-то время исповедовала такую систему, мне казалось, что надо так судить, что ли... Жизнь – она ведь складывается по-разному, и мне очень нравится чувство правды между мной и окружающим миром, и у меня нет нужды... как вам сказать... Я сейчас дошла до такого состояния принятия себя, что у меня нет нужды из себя что-то изображать.

– А вы любите себя?

– (Думает). Если определять любовь к себе как принятие себя, я полагаю, да. Меня можно обидеть – как и любого человека, меня многое задевает, но у меня уже трудно выбить почву из-под ног. К примеру, во мне уже нет ни молодежного сомнения, ни женского кокетства для того, чтобы, отвечая на вопрос: «Какая вы актриса?», отвечать: «Я не знаю». Я знаю, что я хорошая актриса. Кто-то может сказать, что я ужасно играю, и я приму эту точку зрения как то, что мы не совпадаем – я могу не нравиться. Но это не значит, что

я плохая актриса. Это я к примеру говорю. То есть появились какие-то области в жизни, по поводу которых я могу принимать иную точку зрения, но это не скажется на моем ощущении себя самой.

– А все-таки, я уверена, что вы не так давно обзавелись этим мнением: такие думающие люди, как вы, не могли не сомневаться относительно себя.

– Безусловно, во времена юности у меня были не то что сомнения, а какой-то даже момент тревоги по поводу себя... Любовь к себе – такое понятие неоднозначное, что в нем нужно сразу, на берегу договариваться о терминах. Что такое «любить себя»? Смотреть в зеркало и ежеминутно повторять: «Ах, какая я умница и красавица!»? Я не такая, но при этом во мне есть уверенность в себе... Скажем так: сейчас это даже не та область, о которой я задумываюсь и подвергаю ее анализу, – значит, я приняла себя, а значит, я себя люблю. Вот так это оцениваю.

– В интервью с Верой Алентовой я затронула тему воспитания детей. Она сказала, что в этом плане не приемлет ответственности – простите за тавтологию. Что у нее был свой опыт в воспитании вас, у вас – свой в воспитании своих детей, не похожий на ее. Вы согласны с этим?

– Не могу сказать, что сознательно принимала ее воспитательный опыт – это уж точно. Скорее, даже наоборот: если я и делала что-то сознательно в воспитании детей, то делала это не так, как родители, потому что во многом была с ними не согласна – исходя из ощущений своего детства. Но стопроцентно подтверждаю, что бессознатель-

но что-то я безусловно повторяю в себе от мамы. Можно сказать, я действую либо по подобию, либо вопреки – что, в принципе, и есть обратная сторона подобию.

– Меня поразила ваша фраза в интервью: «Я учу своих детей, чтобы они понимали разницу между собой и взрослым человеком». А мне почему-то всегда казалось, что именно вы, свободный мыслящий человек, должны относиться к ребенку как к равному партнеру.

– Вы правы – я действительно отношусь к детям на равных. Думаю, это преувеличено журналистами. Я учу их не понимать разницу между взрослым и собой, а уважать меня. К примеру, как только я попадаю на порог собственного дома, то, как и все дети много работающих мам, они оба на меня бросаются, и я захожу под перекрестным огнем вопросов, просьб, требований моего внимания...

– Ну да – дорвались детишки!

– Совершенно верно – дорвались. И вдруг звонит телефон. Моих детей это не оставит: в одной руке я держу трубку, на другой вибрирует и считают совершенно нормальным продолжать разговор со мной, не обращая внимания на то, что я занята. И тут я считаю себя вправе сказать им, что, когда я общаюсь с другим человеком, нельзя требовать моего внимания, потому что надо уважать желание другого. Точно так же, когда мы общаемся втроем, один не может перебивать другого. Не только потому что у меня взрываются мозги от этого – так, между строк – но и потому, что они должны изначально уважать друг друга.

– Когда я собирала о вас информацию, я набрала ваше имя в интернет-поисковике, и первый же файл оказался «Фото голы Юлии Меншиковой». И я, и фотограф сошлись на том, что это грубый монтаж. Но я-таки нашла ваше фото ню – слава богу, отличного качества и очень красивое, выполненное Екатериной Рождественской.

– Да, все было – и многочисленные монтажи, и съемка топless у Екатерины Рождественской.

– Много было грязных вещей, которые ранят?

– Вы знаете, уже не ранят. Но вот именно с ударением на слово «уже». Когда-то меня это очень задевало, причем в связи с тем, что, когда я где-то говорила, что никогда не снималась голы, а это было правдой до недавнего времени, мне в ответ ехидно говорили: «Ну как же нет – мы же сами видели!» И это меня оскорбляло, потому что я действительно говорила правду, а мне не верили. А так... Ну что я могу с этим сделать – эта грязь все равно будет висеть, пока не появится служба, отслеживающая эти моменты.

– Вы стали автором детской книжки.

– Что вы, я не писала книжку – я написала всего одну сказку – про медвежонка.

– Все знаменитые люди, участвовавшие в программе «Сто вопросов взрослому», говорят, что легче общаться с акулами желтой прессы, чем с детьми, вопросы которых очень остры и откровенны. А каково писать книжки для детей? Это может сделать любой человек, обладающий талантом, или для этого нужно стать мамой?

– Да. И мне было абсолютно нетрудно написать эту сказку, потому что сказался опыт огромного количества сказок, рассказанных собственным детям. И я понимала, для кого я пишу эту сказку. Мы писали книгу для ребятшек с большим сердцем, и я знавала, что их может волновать: они ограничены в движении, они не могут полноценно играть со своими сверстниками, и я представляла, какие их терзают по этому поводу муки из-за того, что они не такие, как все... Мне кажется, я не смогла бы так тонко этого понять, не будь я сама мамой. Даже собственным детям я сочиняла сказки, рассказы, вала им какие-то истории, понимая, что именно их волнует. Мой Андрюша был очень пугливым, осторожным мальчиком, восприимчивым... Он услышал историю про привидение и стал бояться того, что оно окажется у нас в доме. И я упорно каждую ночь рассказывала ему сказку, в которой возникали привидения, но в них обязательно был страшный мальчик, причем почему-то его возраста, который их побеждал. И в этих сказках я обязательно описывала способ, как победить это привидение – к примеру, герой моих сказок просто смеялся и говорил: «Как это так – ты меня не боишься? Вся моя сила в том, что меня боится!» – и так далее, и Андрюша со мной хохотал, и в этот момент я понимала, что помогаю ему преодолеть проблемы, которые у него есть.

РИТА ДАВЛЕТШИНА.